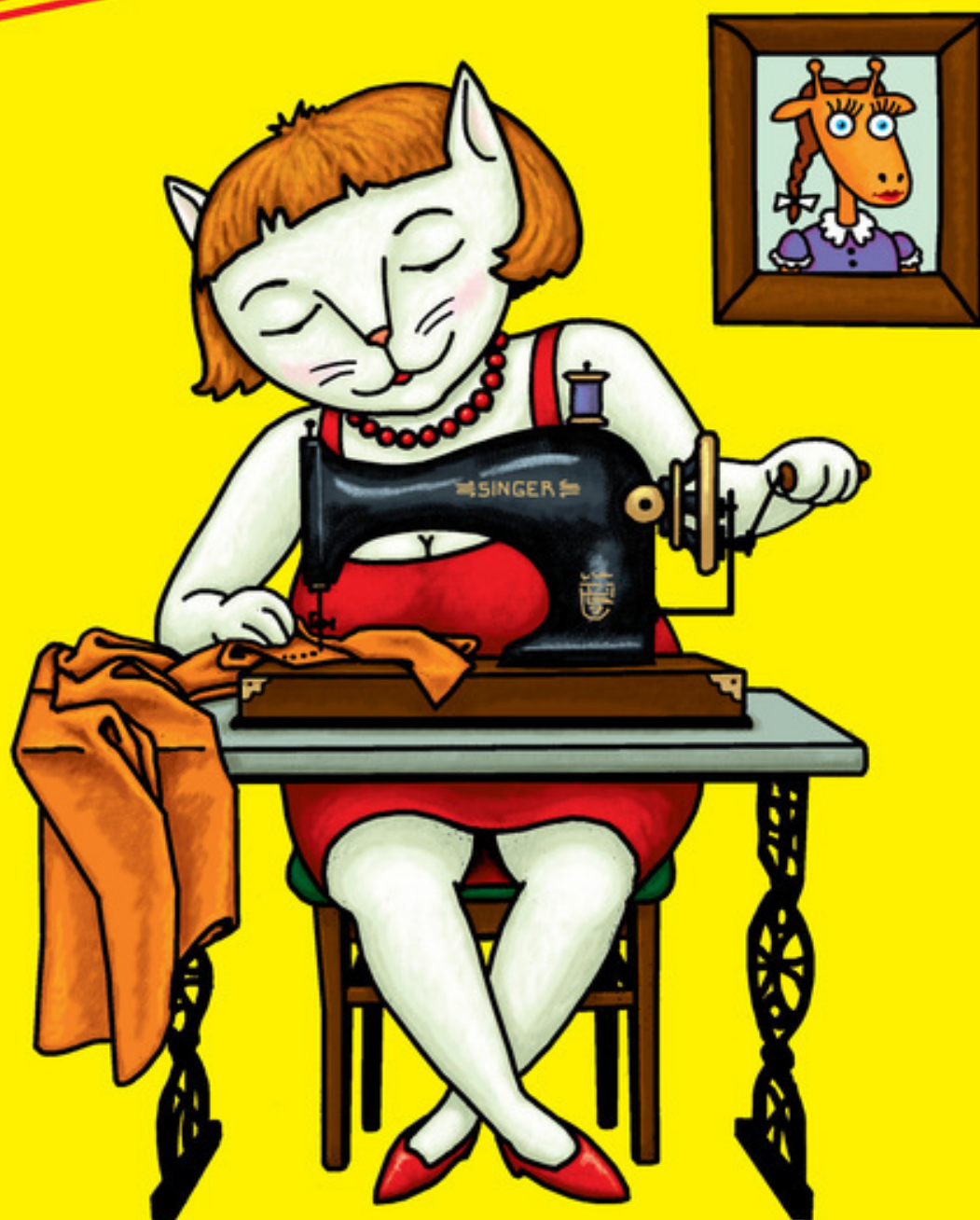

Екатерина **ВИЛЬМОНТ**

У меня живет жестрафа

Екатерина Вильмонт
У меня живет жирафа

«АСТ»

2013

Вильмонт Е. Н.

У меня живет жирафа / Е. Н. Вильмонт — «АСТ», 2013

У нее налаженная жизнь, любимый муж, собственное дело. Но после встречи с человеком, в которого Ия была влюблена еще школьницей, жизнь вдруг начинает преподносить ей сюрпризы, и зачастую неприятные, а порой даже страшные... И как быть со вспыхнувшей вновь любовью и горькими мыслями о том, что ты не пара этому человеку?

© Вильмонт Е. Н., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Екатерина Вильмонт

У меня живет жирафа

© Вильмонт Е.Н., 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая

– Пап, смотри, смотри! – тянул его за руку сын. Посмотреть и в самом деле было на что – красавица антилопа-тунга кормила своего детеныша, он был не больше взрослой кошки, от силы месяца полтора-два.

– Пап, ты чего? Тебе не нравится? – тербил его сын.

– Ну что ты, как такая прелесть может не нравиться!

Санька бегал с места на место, выискивая лучший ракурс для съемки. К десятилетию дед подарил ему видеокамеру.

– Не суетись, встань вон там, – посоветовал Владислав Александрович. – Снимай спокойно, а я посижу, что-то нога сегодня ноет.

К дождю, наверное.

– Пап, ты устал?

– Да несколько, просто посижу, пока ты снимаешь.

Он сел в тени на лавочку, благо они тут стояли на каждом шагу.

Как странно, он никогда не вспоминал ту девочку, младшую сестренку своей давней подруги. Когда он расстался с Алиной, той девочке было от силы лет тринадцать. Как же ее звали? Не помню, надо же... Он улыбнулся. А с какой стати мне ее помнить? Да и сейчас я вспомнил о ней, только увидав совсем близко от входа в Берлинский зоопарк семейство жирафов. Их детеныш, трогательный и прекрасный, сразу напомнил ему сестру Алины, как она когда-то напоминала ему такого вот жирафенка – по-подростковому нелепая, голенастая, с необыкновенно длинной шеей и огромными карими глазами с длиннющими густыми ресницами. Она дичилась его, громко и неестественно смеялась, а Алина утверждала, что девчонка к нему равнодушна. Как же все-таки ее звали? Убей бог, не помню. Интересно, какой она стала? Могла превратиться в красавицу, а могла и в уродину. А впрочем, бог с ней.

– Пап, пошли дальше!

– Пошли!

Эта прогулка с сыном доставляла ему невероятное удовольствие. Они не так уж часто видятся. После гибели Риты родители Влада забрали Саньку к себе, ему тогда было четыре года. Мальчик обожал деда с бабкой, а Владислав Александрович частенько уезжал, и, бывало, надолго. И жил он отдельно, так постановила мама.

– Владя, ты взрослый мужчина, тебе необходимо отдельное пространство.

– Нет, ему надо жить со своим сыном, – возражал отец, – а баб водить может на это самое отдельное пространство. Ты вспомни, как мы когда-то жили, ни о каком, мать его, пространстве даже и не мечтали.

– И что в этом было хорошего? – вскидывалась мать. – Ты бы еще вспомнил, как рос в бараке...

– Ну и что? И, между прочим, вырос в приличного человека, не чета этим нынешним, – ворчал отец.

Но с Людмилой Васильевной спорить не имело смысла, и это знали все члены семьи.

И, кстати, покойная Рита обожала свекровь. «Твоя мама самый справедливый человек из всех, кого я знаю», – говорила она.

Нелепая смерть жены, талантливого детского хирурга, совершенно выбила его из колеи больше чем на год. Рита поехала навестить тетку, единственную свою родственницу, и погибла с нею вместе – на полигоне неподалеку взорвался склад боеприпасов, и домик тетки накрыло взрывной волной.

Как я мог отпустить ее, казнил он себя. Он не любил эту самую тетку, злую и склочную особу, но Рита настояла: у тетки юбилей – 60 лет, и кто ж ее поздравит, если не я?

Вот и поздравила... Фейерверк был тогда на всю область. Едва услышав эту новость, он стал звонить жене, но ответа не было, и он вдруг почувствовал, что никогда больше не услышит голоса жены, не увидит ее прелестной, чуть рассеянной улыбки... И сын будет расти без матери. В отличие от мамы жизнь оказалась чудовищно несправедлива.

Но сейчас, когда он выбрался с сыном на десять дней в Берлин, может, и не самое подходящее место для летнего времени, но у него здесь были еще и дела, Владислав Александрович вдруг ощутил, что жизнь продолжается, несмотря ни на что. А уж восторгу Саньки не было предела, хотя он не раз уже бывал за границей с бабкой и дедом – в Греции, Испании, Италии. Но там дед с безумным энтузиазмом таскал внука по музеям и историческим достопримечательностям.

– Пап, скажи, а в Берлине обязательно по музеям ходить? – осторожно спросил Санька еще в Домодедове и вытащил из рюкзака записку с перечислением всех мест, которые дед непременно велел им посетить. Владислав Александрович пробежал глазами записку, засмеялся, скомкал ее и стал озираться в поисках урны, в которую можно было бы запустить этот бумажный шарик.

– Пап! – просиял Санька. – Круто! Но дед рассердится.

– Слушай, сын, у деда свои привычки и принципы, которых он любит придерживаться в поездках, а у меня свои, для меня на отдыхе главное – не делать того, чего не хочется. Усек?

– Ага! – возликовал Санька.

– Значит, программа у нас такая – никакой программы. Будем ходить, куда захотим, но завтра с утра предлагаю пойти в зоопарк, кстати, от нашего отеля до него пять минут ходу. Устраивает?

– Ура! Пап, а у меня идея!

– Выкладывай!

– Я буду снимать на камеру фильм «Мы в Берлине».

– Пока не слишком оригинально.

– Ты не дослушал. Будем сниматься у входа в те музеи, куда дед велел сходить, а внутри ведь снимать все равно не разрешают? Правда же?

Владислав Александрович расхохотался:

– То есть предлагаешь снимать фуфло?

– Пап, ну это же для дедушки. И потом я все могу найти в Интернете... Разве не клевая идея, а, пап? – как-то сник Санька.

– Честно сказать, не очень.

– Да я все понимаю, – вздохнул Санька, – это вроде как обман выйдет...

– Ладно, сын, не парься, нет таких детей, которые хоть самую чуточку не ввали бы взрослым. И не будем мы снимать это фуфло. Я сам поговорю с папой. Наша задача – отдых и удовольствие! А в августе ты поедешь отдыхать с дедом, он тебя уж потаскает по музеям. Просто надо стараться вообще в жизни врать по возможности меньше.

– Пап, а ты тоже не любишь музеи?

– Честно? Не очень.

– Тебя в детстве дед замучил?

– Именно! – рассмеялся Владислав Александрович и щелкнул сына по носу.

– А ты, пап, больше бабушкин сын, чем дедушкин.

– Пожалуй, ты прав.

Они с Санькой друзья – и это главное.

И надо постараться сохранить эту дружбу. Парень растет, и искренняя дружба с отцом может уберечь его от многих ошибок надвигающейся юности. Он сам не был дружен со своим отцом.

– Проголодался? – спросил он сына.

– Нет, я так за завтраком налопался!

– И мороженого не хочешь?

– Нет. А ты что, голодный?

– Да нет, просто чего-нибудь вкусенького хочется. О, я знаю! Сейчас мы с тобой зайдем в КаДеВе и там наверху съедем одну штуку...

– А что такое КаДеВе?

– Очень шикарный магазин. Заодно посмотрим подарок для бабушки.

– Ох, да! У нее же день рождения скоро.

А какой подарок?

– Говорю же – посмотрим.

Санька приуныл. Ходить по магазинам он не любил. Но тут его осенила спасительная мысль.

– Пап, я знаю, что надо купить бабушке!

– Серьезно? И что же?

– Махровый халат! А то она говорит, он у нее доисторический.

– Санька, ты гений! – обрадовался Владислав Александрович.

– Только, пап, он должен быть легкий, а то в прошлом году ей подарили халат, а она его деду отдала, сказала, у нее нет сил носить такую тяжесть.

– Санька, да тебе цены нет!

Они долго и с удовольствием бродили по залу – ведь у них была ясная цель. Выбор был велик, но в результате они обнаружили то, что нужно – халат из тонкой шелковистой махры темно-лилового цвета. Санька ликовал:

– Какая красотища, папа!

– Бабушка в этом будет похожа на епископа!

– Почему?

– Видишь ли, католические епископы носят лиловые сутаны, а впрочем, бабушке всегда шел лиловый.

В дополнение к халату были куплены еще махровые шлепанцы и набор лиловых полотенец.

– Да, в наши с тобой чемоданы это не влезет, придется купить еще сумку, – со смехом констатировал Владислав Александрович. – А сейчас надо отнести все это в гостиницу.

– Ну и что? Тут же совсем недалеко.

– Нет, дружище, ты как хочешь, а я просто жажду сожрать огромную порцию клубники со взбитыми сливками. Я это заслужил!

– И я! И я! – закричал Санька.

Ия! Ее звали Ия, почему-то вдруг возникнул Владислав Александрович.

Они поднялись на последний этаж, где находился ресторан.

– Ну, какие будут пожелания?

– Ты же обещал клубнику со сливками!

– Заметано! Садись и сторожи бабушкину махру.

Это был ресторан самообслуживания.

– А может, хочешь сперва чего-нибудь посущественнее?

– Нет! Хочу огромную порцию клубники!

– Правильно, сын!

Порции и в самом деле были громадные. Они уплетали клубнику со сливками, и им было так хорошо и весело!

Как я люблю его, как он похож на меня, у нас даже вкусы схожие. Господи, только бы с ним все было в порядке, только бы жизнь щадила его. Он ведь уже пережил настоящую трагедию, потерял мать... И мачехи у него не будет!

– Пап, а кто тебе из зверей больше всех понравился?

– Жирафик, – без тени сомнения ответил отец.

– Почему?

– Не знаю. Просто так...

– А мне ягуар, как он на солнышке грелся. И еще эти черные буйволици в воде, такие клевые!

Вот тут наши вкусы разошлись, с улыбкой подумал Владислав Александрович. А сколько ей лет сейчас? Если тогда ей было лет тринадцать – четырнадцать, то сейчас ей должно быть двадцать семь – двадцать восемь. И она, скорее всего, замужем, а может, даже многодетная мать... И ничем уже не напоминает прелестного жирафенка... Вот разве что шея осталась такая же длинная, а может, уже и жилистая, некрасивая. И чего мне далась эта Ия? Я и не вспоминал о ней с тех пор, как расстался с Алиной. Алина уехала за границу, кто-то говорил, она осела в Испании, возможно, и младшую сестренку пристроила замуж за какого-нибудь дона... Суареса или Хименеса... Хулио Хименеса... Сеньора Хулио Хименес... Ну и черт с ней!

Дни в Берлине были длинными и счастливыми для обоих. К вечеру они уже падали замертво. Они еще смотались в Дрезден. Владислав Александрович считал, что Сикстинскую мадонну надо видеть. Они целенаправленно пошли к ней, осмотрели еще один зал, где были собраны наиболее знаменитые полотна галереи, и ушли.

– Пап, а здорово, – сказал Санька. – Так можно в музеи ходить. И уж точно не забудешь... Каша в голове не образуется. Эх, хорошо с тобой...

– Санька, милый ты мой...

– Да нет, пап, я все понимаю, ты часто уезжаешь. И потом в Москве с дедом нет проблем.

– А в Москве он тебя не таскает по достопримечательностям?

– Редко. Он же работает, устает. Но я тебе по секрету скажу...

– Да?

– Мне больше всего не Мадонна понравилась, а этот... в шапочке, с длинными волосами...

– «Мальчик» Пинтуриккио.

– Вот-вот. У него такие глаза... Но это не надо никому говорить, да?

– Почему?

– Ну, вроде надо Мадонной восхищаться?

– Нет, сын, восхищаться надо только тем, что тебя восхищает. Вон почти весь мир восхищается «Джокондой», а я смотрю и, как говорят теперь, не догоняю. Вполне возможно, что я остопок и ни черта не смыслю в живописи, но что делать? Ну не притворяться же...

– Пап, а можно спросить совсем про другое?

– Валяй!

– Ты почему не женишься?

– Вот те раз!

– Нет, правда?

– А ты хочешь, чтобы я женился?

– Я? Нет. Бабушка хочет.

– Бабушка хочет, а я не хочу.

– Почему? Ты еще маму не забыл?

– А я никогда ее не забуду, даже если вдруг когда-нибудь женюсь. А пока не хочу. Исчерпывающий ответ?

– Ага! Но бабушка говорит, у тебя бывают какие-то тетки...

– Ну, милый ты мой, не на всех тетках надо жениться.

– Значит, правда бывают?

– Бывают.

– И они все плохие?

– Да почему? В основном вполне себе хорошие, а впрочем, разные. А вообще, к чему этот разговор?

– Просто... по-мужски... С дедом про это не поговоришь.

– А, ну если по-мужски... Есть еще вопросы?

– Пока нет.

Сын смотрел на него с такой любовью, что у Владислава Александровича запершило в горле.

– Знаешь, Санька, самое главное, чтобы ты всегда мог прийти ко мне со своими мужскими вопросами. Мы ведь не только отец и сын, мы еще и друзья?

Мальчик просиял.

– Да, пап, ты мой самый лучший друг! Даже лучше Ленки.

– О, это большая честь! – засмеялся Владислав Александрович.

– Пап, а я есть хочу!

– Я тоже. Есть какие-нибудь пожелания?

– Ага! Я хочу такую сосиску, как мы вчера ели!

– Губа не дура! Надеюсь, на вокзале нам это удастся. А нет, перехватим что-нибудь, и уже в Берлине точно поедим.

Но на вокзале им удалось осуществить это скромное желание.

– Пап, а как эти сосиски называются?

– Боквурст.

– В жизни ничего вкуснее не ел. И булочка такая, и горчица... И потом на улице, руками, такой кайф. Бабушка с дедом не позволили бы, а уж если бы увидели, что мы это колой запишем...

– Это точно, нам бы обоим не поздоровилось! – засмеялся Владислав Александрович.

– Пап, а я, кажется, понял, почему ты никогда не едешь с нами отдыхать.

– Ну-ка, интересно!

– Потому что тебе неохота подчиняться родителям, да? А показывать плохой пример при мне нехорошо?

Владислав Александрович фыркнул, потрепал сына по голове.

– Как приятно сознавать, что у тебя умный сын, – он подмигнул Саньке, и оба расхохотались.

В Москве Владислав Александрович отвез сына к родителям. Санька захлебывался от восторга.

– Владя, – отвела его в сторону мать, – тебя тут искала Алина.

– Алина? Какая Алина?

– Что значит – какая? Твоя бывшая.

– Господи, откуда она взялась?

– Ну, я не знаю, она сказала, что ты ей зачем-то нужен.

– Интересно, зачем?

– О, это твои дела! Но я дала ей твой домашний телефон.

– Ладно, мамочка, дала и дала.

– Ох, она красивая была, точь-в-точь Лоллобриджида.

– С тех пор прошло столько лет...

Как странно, подумал он, садясь в такси. Зачем я ей вдруг понадобился? И именно теперь, когда я вспомнил эту ее сестричку-жирафенку? А впрочем, сейчас не до баб. Столько дел скопилось...

Поздно вечером, возвращаясь в свою холостяцкую квартиру, Владислав Александрович подумал: а я уже скучаю по Саньке. За десять дней в Берлине так к нему привык, с ним хорошо, он так умеет слушать... Редкое качество в наши дни. И вообще, отличный парень растет.

Первым делом надо принять душ. Но тут зазвонил телефон.

– Алло!

– Влад? – раздался звонкий женский голос. – Привет, не узнал?

– Ну почему же! Привет, Алина! Зачем я вдруг тебе понадобился, скажи на милость?

– О, какой лед в голосе, какое отчуждение! Неужели ты до сих пор на меня обижен?

– Да боже упаси! Наоборот, я тебе благодарен. И все-таки, зачем я тебе понадобился?

– Да ни за чем, Владик, просто вспомнилось... У нас было много хорошего. И ужасно захотелось повидать тебя, посмотреть, каким ты стал. Видно, я старею, ностальгия замучила, приехала на месяц в Москву, решила тут отметить свой день рождения и тебя пригласить...

– Ах да, у тебя же десятого день рождения.

– Надо же, ты помнишь. Я тронута. Так придешь?

– Куда?

– Ну, в ресторан, конечно.

– И много народу будет?

– Человек пятнадцать. Из тех, кого ты знаешь, будут только Натаха и Ийка.

– Ийка? Ах да, она же уже совсем взрослая... – почему-то громко забилося сердце.

– Взрослая замужняя дама. Когда-то она была к тебе равнодушна.

– А ваши родители?

– Папа умер в позапрошлом году. А мама живет у меня в Испании и не хочет ехать в Москву. Ну, ты придешь?

– Приду, – вдруг решил он. – А твой муж?

– Ну, он, разумеется, тоже будет. Познакомишься. Да, кстати, я знаю, что ты вдовец... Но если есть дама сердца, буду рада видеть тебя с ней.

– Нет уж, ей это будет неинтересно.

– А что, она малолетка?

– Отнюдь. Но не любит незнакомых компаний.

– Ох, Владька, какой ты молодец, что согласился!

– Только скажи, что тебе подарить, а то это всегда такая проблема...

– Ну, я не знаю, что-нибудь сам придумай, у тебя же всегда был безупречный вкус.

– Ну, тогда пеняй на себя, – засмеялся он.

– Договорились.

Как все странно, думал он, стоя под душем. Ийка, прелестный жирафенок, замужняя дама... Сеньора Хулио Хименес? Вот и поглядим.

И чего я так разволновался? Я не вспоминал об этой девчонке с тех пор, как мы расстались с Алиной, а тут этот берлинский жирафенок и буквально через неделю звонок Алины... Это неспроста. Он верил в такие знаки судьбы.

А может, никакой это не знак судьбы, а элементарное совпадение, и прелестный жирафенок превратился во вполне неинтересную тетку? Вот и поглядим.

...Яблочные блинчики удались на славу. Ия присыпала их сахарной пудрой и корицей. Включила кофеварку.

– Ром, завтрак готов!

– Иду!

Муж явился на кухню уже одетый, свежесбритый. Ия, как обычно, залюбовалась им.

И поставила перед ним рюмку с яйцом всмятку. Он одним невероятно изящным движением снес ножом верхушку яйца...

– Ох, Ромка, как ты это делаешь, научи меня!

– Солнышко, тут нужны годы тренировок! – засмеялся муж. – О, мои любимые блинчики!

А какие планы на вечер?

– Ромка, ну сегодня же день рождения Алины.

– Ох, совсем забыл. А ты знаешь, я ведь опоздаю.

– Ром!

– Ну что поделать, работа. Надеюсь, Алина меня простит. Будет много народу?

– Не очень. Но ты обязательно купи цветы.

– Ох, еще и это... А подарок?

– Подарок я купила.

– Ладно, ну все, я побежал. Все было жутко вкусно.

Не понимаю, с чего вдруг Алине вздумалось праздновать день рождения в Москве, без мамы? Собирать старых знакомых... Впрочем, Алина ничего не делает просто так, значит, есть у нее какие-то соображения. Прибравшись на кухне, она привела себя в порядок и отправилась на работу. К счастью, ее салон находился на соседней улице. Ия была владелицей салона свадебных и вечерних платьев. Она всегда любила шить, живя в Испании, окончила специальное училище и сначала, вернувшись в Москву, работала у знаменитого модельера, а потом сумела открыть собственное дело. И за два года ее салон приобрел известность. Ее платья были нестандартными, как правило, яркими, даже экзотичными. Хотя иной раз и приходилось делать «торты со взбитыми сливками», как она называла столь популярные в Москве пышные белые наряды. Но это Ия не любила. К сегодняшнему вечеру она придумала себе изысканное платье из коричневого и бежевого шифона. Недлинное, достаточно скромное. Но уж точно второго такого платья в Москве нет. И вообще... У меня все хорошо, так хорошо, что даже немножко страшно. Любимый муж, собственное дело. С ребенком они решили повременить, чтобы уж как следует встать на ноги. Есть, конечно, мелкие неприятности в бизнесе, но у кого их нет? Часто меняются швеи, настоящих мастериц мало, таких как Гуля, девушка из Киргизии, которая умеет строчить с какой-то поистине космической скоростью, да еще так аккуратно, что только диву даешься... А Люда оказалась совершенно косорукой и пришлось ее уволить.

Сегодня в салон явилась девушка с матерью, хорошенькая, изящная. Осмотрев выставленные готовые платья, мамаша спросила:

– А что, это разве не салон свадебных платьев?

– Салон. Свадебных платьев, – ответила приемщица Аня.

– Чего-то я не пойму...

– Не волнуйтесь, – вмешалась Ия, – вы хотите традиционное белое платье?

– Ну да, зачем нам эта пестрядь!

– Вы присядьте и посмотрите журналы, мы выберем ткань и сошьем то, что вы захотите.

– Мам, я вот это хочу! – девушка буквально вцепилась в длинное узкое платье цвета «пепел розы».

– Да ты что! Тут и смотреть-то не на что!

– Мам, мне оно так нравится. Можно я его примерю? – обратилась она к Ие.

– У вас отличный вкус, платье как будто специально для вас, – улыбнулась Ия. – Пойдемте в примерочную, а ваша мама пока выпьет кофе или чаю.

Аня принесла сердитой мамаше кофе и вазочку с дивным печеньем, которое их салон специально заказывал в кондитерской неподалеку.

– Ох, какая красота! – простонала девушка. – Это то, о чем я мечтала... Мне ваш салон подруга порекомендовала, но я боюсь, мама не поймет... А я видеть не могу эти кремовые торты...

– Да, оно как будто специально вас дожидалось. Только вот тут надо переколоть... Вот теперь идеально.

– А какие сюда туфли нужны?

– А когда у вас свадьба?

– Через месяц.

– Тогда можно будет заказать туфли точно в цвет.

– Нет, правда?

– Конечно.

– Потрясающе... Правда, мне идет?

– На мой взгляд, оно создано для вас. Но пойдите, покажитесь маме. Только знаете что, волосы надо чуть-чуть приподнять. Вот так. – Ия достала из комодика несколько шпилек. – Все. Идите.

Они вышли из примерочной.

Мамаша с таким упоением поела печенье, что не сразу и заметила их.

– Мама!

– Ух ты! А что... Тебе идет... Только оно не свадебное какое-то...

– Мама, оно такое красивое...

– А фата?

– Мама, я не хочу фату, я тебе уже сто раз говорила! И потом, это ж платье не на один раз, в нем куда хочешь можно пойти...

– Ага, и все будут говорить...

– Мама, мне плевать, кто что будет говорить.

– А мне нет.

– Мама, я хочу это платье и никакое другое.

– Да ну, оно бедненькое какое-то... и без фаты...

У девушки по щекам потекли слезы.

– Минутку, – воскликнула Ия.

Вскоре она вернулась, неся кусок нежнейшей серебряной ткани. Накинула эту ткань на голову девушки, поколдовала еще, и вот уже голову невесты окутывало нежнейшее серебряное облако, а концы этого то ли шарфа, то ли капюшона она приколотла к плечу брошью-цветком из почти белого йеменского серебра.

– Обалдеть! – всплеснула руками мамаша.

А девушка и впрямь обалдела от восторга.

Ия и сама была страшно довольна. Платье, ничего не потеряв, приобрело совсем новое звучание.

– Ну, вы даете! И впрямь художественно... И уж точно ни у кого такого не будет... И вроде фата...

Приемщица Аня все причитала:

– Нет, это надо же... Нет, это надо же...

– Мама, мы это берем!

– А сколько это стоит?

– Сейчас все посчитаем, Анюта, посчитай!

Анюта посчитала.

– Да, недешево.

– Мама, без этого платья я замуж не пойду!

– Да ладно, дорого, но не дороже денег, как говорится.

– А шарф и брошку вы сможете носить с какими-то еще вещами. Предположим, заколете шарф на черном платье, будет совершенно иная картина.

– Да ладно, мы берем!

– Вот и отлично. Только придется полчаса подождать, пока там один шов застрочат.

– Ой, а туфли? – вспомнила девушка.

– А что туфли? – спросила мать.

– Да вот, говорят, можно заказать туфли точно в тон платья...

– Хорошо, что у меня только одна дочь, а то вконец разоришься, – добродушно засмеялась мамаша. – Давайте уж и туфли до кучи.

– Сейчас отправим заказ, и через две недели туфли будут готовы.

Когда покупательницы ушли, Аня сказала:

– Надо же, я думала мамаша удавится, по виду такая жлобиха...

– Просто у нее одна дочка и она ее до смерти любит, – улыбнулась Ия. День начался удачно.

Обычно по городу, к великому негодованию мужа, Ия ездила на скутере.

– Как ты не понимаешь, это опасно и к тому же несолидно.

– А мне плевать. Мне удобно и хорошо.

– А как на это смотрят твои клиенты? Тебе нужна какая-нибудь статусная машина...

– Ненавижу статусные машины! К тому же до работы я хожу пешком. И на скутер сажусь не так уж часто, но...

– Пойми, чудачка, я за тебя боюсь.

– А я езжу очень аккуратно, ты же знаешь.

Переспорить Ию было не так-то просто.

И в конце концов Роман махнул рукой. Но сегодня в шифоновом платье на скутере не поедешь, и Ия заказала такси. Ресторан находился в центре, в небольшом садике. Стол был накрыт на свежем воздухе под навесом.

Алина, в изысканном платье цвета спелой вишни, встречала гостей.

– О, Владя! Какой ты стал!

– А ты сейчас еще красивее...

– Онегин, я тогда моложе и лучше, кажется, была, – засмеялась она.

– Чепуха! Ты сейчас в самом расцвете и еще приобрела европейский лоск!

– Ты всегда умел говорить комплименты.

А ты поседел, но тебе это идет...

– А где же твой муж?

Что-то промелькнуло в ее глазах.

– Мы поссорились.

– Надеюсь, это несерьезно?

– Боюсь, наоборот. Но настроение мне это не испортило. Владя, я страшно рада тебя видеть.

Она подвела его к столу, где уже сидели несколько человек.

– Друзья, познакомьтесь, это друг моей юности, Владислав Александрович Голубев.

Он обвел взглядом стол, но никого похожего на Ию не увидел.

– А где же твоя сестра?

– Будет, она на такси попала в пробку.

Тут явился еще кто-то, а к Владиславу Александровичу подошла эффектная блондинка.

– Простите, вы тот Голубев, который...

– Какой что? – улыбнулся он.

– Журналист?

- Совершенно верно!
- О, я читала ваши статьи об истории европейских разведок, потрясающе интересно!
- Спасибо.
- Но я не просто так подошла к вам, чтобы сделать комплимент. Дело в том, что я продюсер одного нового телеканала и хочу сделать цикл программ на эту тему.
- По-моему, таких программ чертова уйма.
- Меня не устраивает их уровень. Дело в том, что мои дед и бабушка были разведчиками, и довольно успешными, так что я кое-что об этом знаю.
- Простите, а как фамилия ваших родственников? – страшно заинтересовался Владислав Александрович.
- Поляк.
- Анна и Дмитрий Поляк?
- Да.
- Как интересно! Извините, но вы не называли себя?
- Ох, верно! Я Нина Бронникова.
- Очень приятно.
- Так вот, Владислав Александрович...
- Можно просто Влад.
- Отлично! Я хотела бы вам предложить сделать программу так, как только вы умеете...
- Но я сроду не делал телепрограмм.
- Но ваши статьи и книги лучше любого бестселлера. И я хочу, чтобы это был просто ваш рассказ, без обычного для подобных программ привлечения экспертов, из которых уже труха сыплется, без безвкусных реконструкций.
- Просто говорящая голова? – удивился он.
- Да! Только кадры кинохроники и ваш рассказ. Как вам такая идея?
- Ну, в принципе, это интересно, но... я не уверен, что у меня получится держать аудиторию...
- А мы сделаем пилотную программу и поглядим. Я подберу вам замечательную команду. У вас есть харизма, у вас красивый голос... И я бы хотела начать с... А впрочем, вы сами подумайте, с чего начать. Конечно, лучше бы какие-то истории еще не очень растражированные... Не Филби, не Абель...
- Понимаю. Я подумаю, Нина.
- Только не очень долго, ладно? Вот моя визитка и самое большое через неделю я жду вашего звонка. С любым ответом. Не выношу неопределенности.
- Разумеется.
- Они сели рядом, продолжая волнующий обоих разговор. Уж не по просьбе ли этой Нины Алина меня пригласила? Если так, спасибо ей. Предложение здорово интересное. Он совершенно забыл об Ие. Гости еще не все собрались.
- О, а вот и моя сестра! – воскликнула Алина.
- Он вздрогнул. Рядом с Алиной стояла молодая женщина такой прелести, что он ахнул. Какой там жирафенок! Высокая, тоненькая, с лебединой, а отнюдь не жирафьей шеей, нежная, смуглая, с глазами вполлица...
- Хороша, правда? – спросила Нина, о которой он забыл.
- О да, я помню ее неуклюжим подростком...
- У него вдруг запотели очки. Он снял их. Перед глазами все плыло.
- Ийка, узнаешь моего Влада? Он тебе когда-то нравился!
- Он содрогнулся от бестактности этой фразы.
- И у Ии все внутри оборвалось. Я забыла о нем... И главное, я забыла, что у него такие голубые глаза... И он почти совсем седой... Зачем это? Я не хочу... Сколько слез я пролила

из-за него, глупых детских слез... Странно, я всегда забывала, какие у него глаза, и только когда он снимал очки...

Владислав Александрович встал и шагнул к сестрам.

– Боже мой, Ия! – воскликнул он. – Сколько лет, сколько зим! Совсем взрослая и удивительно красивая... Даже не знаю, смею ли я говорить вам «ты», как когда-то?

Она протянула ему руку.

– Здравствуйте, Влад, конечно, говорите мне «ты», мне приятно...

Он прикоснулся губами к ее руке.

– Ийка, а где Роман? – спросила Алина.

– Он предупредил, что опоздает, и цветы он обещал купить.

Какая-то женщина буквально налетела на Ию, заключила ее в объятия и оттерла от него.

Он вернулся на свое место рядом с Ниной.

– Что, Влад, хороша?

– Да. Я ее девчонкой помню, достаточно неуклюжей.

– Гадким утенком?

– Да нет, скорее прелестным жирафенком.

– Но сейчас в ней ничего нет от жирафа.

– Да уж, – засмеялся он, чувствуя, что пропал.

– Так что, Влад, вернемся к нашим баранам?

– Да-да, разумеется. Скажите, Нина, а чем Ия занимается? Я так давно не общался с ними, что...

– Ийка? У нее салон свадебных и вечерних платьев, довольно популярный в Москве. Она изумительно шьет. Обожает своего мужа, он бывший летчик, красивый парень, сейчас работает в «Аэрофлоте» каким-то чиновником.

– А сколько же ему лет?

– О, молодой, года тридцать три, его списали по здоровью. Хотя на вид он здоров как бык. Но там что-то с легкими, что ли...

– О, информация исчерпывающая! – улыбнулся он.

– Друзья мои, садимся за стол, семеро одного не ждут, а нас вдвое больше, четырнадцать, пятнадцатого не ждем, Ийка, уж не сердись... – весело проговорила Алина.

– Да нет, что ты... Тем более он предупредил, что опоздает.

Ия оказалась за столом почти напротив Владислава Александровича. Он заметил, что она старается на него не смотреть, а сам с трудом отрывал от нее замороженный взгляд. Алина села рядом с ним.

– Владька, не мылся, она замужем, они друг друга обожают, и тебе там делать нечего.

– Алина, побойся бога, просто я удивлен и восхищен этим преображением... Да и староват я для таких девушек.

– Ну, положим, по нынешним временам ты еще о-го-го, но это для меня, а для Ийки и впрямь староват.

На языке вертелась злая и хамская фраза – это ты, голубушка, по нынешним временам для меня старовата, но, разумеется, он промолчал.

Господи, зачем он так на меня сморит? У меня от его взгляда мурашки бегут... Он стал еще лучше, ему так идет эта седина... И эти очки ему тоже идут. Раньше у него были очки в тяжелой оправе, а сейчас совсем другие, вообще без оправы, они удивительно, просто невероятно ему идут... И эти горькие складки у губ, раньше их не было... Говорили, у него жена погибла... Но это было давно. Интересно, он с тех пор так и не женился? Но мне-то что за дело? Господи, скорей бы Ромка пришел! А он смотрит на меня именно так, как смотрел когда-

то на Алинку. А я мечтала, чтобы он хоть разочек так на меня взглянул... Но теперь мне этого не надо... Это совершенно ни к чему.

...Но тут наконец явился Роман с букетом роскошных роз. Извинился перед присутствующими и сел рядом с женой. Что-то шепнул ей на ухо, она нежно улыбнулась. Влад видел, что она почувствовала себя куда увереннее. Красивый малый, этот ее муж. И вправду с виду вполне здоровый, но в авиации свои параметры здоровья. И они красиво смотрятся вместе. Она смуглокожая брюнетка, а он такой весь бело-розовый... Ишь ты, я ревную... парень вполне хорош собой, и нисколько он не бело-розовый, просто светлоглазый и светлокожий... – сам себя одернул Владислав Александрович.

– О, Влад, вы, кажется, совсем пропали, – шепнула ему Нина.

– Вы о чем? – ледяным тоном спросил он.

– Да нет, извините, это совершенно меня не касается.

Вот именно, мысленно произнес он. Вдруг он почувствовал, что нога Алины прижалась к его ноге. Он предпочел этого не заметить, но ему стало неприятно.

– Владя, ты что сидишь как неродной, – чуть пьяным голосом прошептала Алина.

– А я и есть тебе неродной, и уже очень давно.

– Ты до сих пор на меня обижен?

– Боже, нет, конечно. Просто я никогда не вхожу дважды в одну реку.

– А по-моему, это иногда хорошо, войти в знакомую водичку и обнаружить там что-то совсем новое, приобретенное с годами... Это иной раз так сладко, – продолжала она, все теснее прижимаясь к нему.

Волна раздражения захлестнула его. Зачем ему эта прошлая жизнь, эти женщины из прошлого? Не хочу!

– Извини, Алина. Я просто не хочу, ты это можешь понять?

Она отпрянула, побледнела. В этот момент, к счастью, у него зазвонил телефон. Он вскочил, извинившись, и отошел от стола. Звонил Санька, попрощаться перед сном. От голоса сына раздражение ушло.

– Пап, бабушка говорит, чтобы я не звонил, что я могу тебе помешать.

– Ерунда! Я страшно рад, что ты позвонил. А если в другой раз я буду занят, я тебе скажу, ты же не обидишься, правда?

– Конечно, пап!

– А сегодня ты очень вовремя позвонил, спасибо. И спокойной ночи тебе.

Звонок сына совершенно отрезвил его. Он вернулся за стол, обменялся с Ниной визитками и сказал Алине:

– Извини, мне придется уйти, звонил сын, ему нужна моя помощь!

– Что-то серьезное?

– Да не очень, но я должен... Еще раз извини, рад был повидать тебя и Ию. Я уйду тихонько.

– Ну и сволочь же ты, Голубев!

– Да, наверное, сволочь! – кивнул он.

Как хорошо, как свободно дышится, когда его нет! Мне всегда при нем было душно-вато... И я всегда боялась его глаз... А Алинка, похоже, просчиталась. Она думала его вернуть, что ли? А он не захотел, гордый... И правильно. Она сама когда-то его бросила, а теперь вздумала вернуть... И обломалась. А я рада... Это было такое свинство с ее стороны, променять его на богатого дурака Энрике.

– Ну что, Ийка, как тебе твоя первая любовь? – пьяным шепотом осведомилась Алина.

– Какая там любовь, – поморщилась Ия.

– Ты ж по нему умирала...

- В детстве, это не считается.
- А он, кстати, на тебя запал.
- Не выдумывай!
- А что, это вероятно интересно, закрутить роман с мужиком, к которому питала совершенно безнадежные чувства в детстве. Что-то от истории Онегина и Татьяны...
- Алинка, ты пьяная!
- Девочки, вы о чем шепчетесь? – полюбопытствовал Роман.
- О нашем, о девичьем, – засмеялась Алина.
- Господа, давайте еще раз выпьем за нашу красавицу Алину! Она по-прежнему прекрасна! – произнес кто-то из гостей, и застолье потекло своим чередом.

Как хорошо, что я ушел! Ни к чему мне все это. А вот предложение Нины может оказаться очень интересным. Выжду дней пять и обязательно ей позвоню. А пока надо подумать, какую историю предложить для пилотной программы. И дописать статью для «Известий». О, а ведь послезавтра исполняется девяносто лет Марии Евграфовне Вольской, звезде советской разведки, о которой он неоднократно писал и которая очень его привлекала. Никто не дал бы ей ее лет, она была по-прежнему остра умом, безмерно иронична и кокетлива. И, пожалуй, даже красива. Лет пять назад, с его подачи, освоила компьютер.

- Владик, – говорила она, – вы плохой человек! – и грозила пальцем.
- Почему, Мария Евграфовна?
- Я старая женщина, а вы меня погрузили в такую пакость!
- Вы о чем, Мария Евграфовна?
- Этот ваш Интернет – редкостная пакость! Всемирная помойка, болото, вонючее болото...
- Мария Евграфовна, ну если он вам так противен, не лезайте туда!
- Легко сказать! Я ведь старая, кроме Киры и Уинстона у меня никого нет, мне скучно жить одними только воспоминаниями!

Кира была ее племянницей, а Уинстон – английским бульдогом, невероятно похожим на Черчилля, оттого и получившим такую кличку. Бульдог, правда, был еще не стар и очень симпатичен, на взгляд Владислава Александровича.

- Ну, лучше бы смотрели телевизор!
- Вы смеетесь? Что там смотреть? Новости меня мало интересуют, я слишком стара. Политика? Я слишком хорошо понимаю, что почем, к музыке я глубоко равнодушна, правда, люблю фильмы и даже сериалы с красивыми актерами.

Актеров она признавала только российских, зарубежное кино не смотрела. Иногда просила Владислава Александровича отвезти ее на Донское кладбище, где был захоронен человек, которого она любила. Подъехав к воротам кладбища, она покупала цветы, как правило, четыре розы, и говорила:

- Владислав, ждите меня в машине!
- Может, я провожу вас?
- Нет. Это слишком интимно... Незачем вам знать...

И он покорно ждал ее, правда, не в машине, а на лавочке совсем близко от входа. Это она ему позволяла. Конечно, у него был соблазн проследить за ней, но, во-первых, он опасался, что она может его заметить, как-никак профессионалка высочайшего класса, а во-вторых, ему просто было совестно.

Да, пожалуй, надо поговорить с Вольской, и если она согласится, сделать программу о ней.

В молодости она была ослепительна, сохранились фотографии, и теперь уже многое можно рассказать...

И он позвонил ей.

– Влад? Рада вас слышать! Надеюсь, послезавтра я вас увижу?

– Разумеется, Мария Евграфовна!

– Кира испечет свои пирожки, будет еще человек пять...

– Непременно буду! Но у меня к вам есть еще деловой разговор, дорогая Мария Евграфовна!

– Я не ослышалась? Деловой разговор?

– Да!

– И что ж это за дела такие? Все, что я могла вам о себе рассказать, я уже рассказала, а остальное...

– Нет-нет, речь о другом.

– Вы сейчас заняты?

– Не слишком.

– Тогда приезжайте ко мне сейчас же, а то умру от нетерпения!

– Я вас обожаю, Мария Евграфовна. Буду через час!

Он купил букет васильков, старуха предпочитала полевые цветы.

Как ни странно, в квартире не пахло старостью. Кира, женщина лет шестидесяти, в прошлом врач-физиотерапевт, выйдя на пенсию, поселилась у тетки, оставив свою квартиру дочери.

– Вам не трудно с ней? – спросил он как-то.

– Ну что вы! Марусенька на редкость интеллигентный и деликатный человек, мне хорошо и спокойно с ней. К тому же она очень благодарная... Чего о моей дочери не скажешь... И тут я чувствую себя нужной и даже необходимой, а там... там я была лишней.

Дверь ему открыла сама Мария Евграфовна. В первый момент он даже не узнал ее.

– Ну что вы вытаращились?

– Вам необычайно идет седина!

– Знаете, я решила, что в девяносто уже приличнее быть седой, а не крашеной!

– Да вы помолодели лет на двадцать!

– О! Васильки! К седине васильки очень идут! Ну, милый друг, проходите! Хотите кофе?

– Если можно!

– Отчего же нельзя? Кируся, сделай Владику кофе! И не забудь свои крендельки! Ну-с, молодой человек, чего вы от меня хотите?

Он подробно рассказал ей о предложении Нины.

– И вы думаете, я соглашусь сниматься? Да никогда!..

– Боже упаси! Нет! Только ваши фотографии и рассказ о вас.

– А рассказывать в кадре будете вы или какой-нибудь идиот?

– Да нет, я. Честно говоря, приятно, что не числите меня в идиотах.

– Числила бы, не стала бы с вами общаться. Слишком много идиотов я встречала, их идиотизм иной раз мог стоить жизни. А скажите-ка мне, вы часом не влюбились ли? – вдруг перебила она сама себя.

– Боже! С чего вы взяли?

– Милый друг, если б я таких вещей не замечала, грош была бы мне цена! Рассказывайте!

– Да нечего рассказывать, честное слово!

– Она хороша?

– Очень. Но...

– Сколько лет?

– Двадцать восемь, – засмеялся он. Пожалуй, эта старуха единственный человек, с кем он мог бы поговорить об Ие.

- И где вы с ней встретились?
- В Берлинском зоопарке.
- Как интересно! А что вы там делали?
- Гулял с сыном.
- А она?
- А ее там не было.
- То есть? – нахмурилась Мария Евграфовна.
- Там был детеныш жирафа...
- Но вы же, надеюсь, не зоофил! – рассмеялась старуха. – Что вы мне голову морочите!
- Он расхохотался.
- Нет, я не зоофил.
- И он рассказал ей все.
- А как вам показалось, она любит мужа?
- Не понял.
- А он ее?
- Тоже не понял. Но они красивая пара. Он бывший летчик...
- А она чем занимается?
- Как мне сказали, у нее салон вечерних и свадебных платьев.
- Как скучно! Хотя... В свое время я даже держала подобный салон в Сиэтле. Но шить как следует никогда не умела, мне это было скучно. И что, больше вы с нею не виделись?
- Нет. Зачем? Я дал себе слово, что у Саньки не будет мачехи.
- Это глупо, друг мой!
- Почему?
- Потому что сын ваш живет не с вами, то есть в быту они сталкиваться не будут. А быт, дорогой мой, самое ужасное в таких вот историях. Но в вашем случае... И потом, кто, собственно, говорит о браке? Я имела ввиду любовь, а вовсе не брак. Иной раз это вещи взаимоисключающие. Говорите, девочка была когда-то к вам равнодушна? Вы исключительно интересный мужчина...
- Благодарю вас! – он прижал руку к сердцу.
- Так вот, вы интересный мужчина, и девушка наверняка взволнована вашей встречей. И вы взволновались... Знаете, видимо, вас и тогда она как-то волновала, эта девочка. Но поскольку вы не Гумберт Гумберт, то не отдавали себе в этом отчета. И вот по прошествии многих лет увидели жирафенку и взволновались. Поверьте, это не просто так... Но теперь это уже отнюдь не Лолита, и вы вполне можете себе позволить...
- Да не хочу я...
- Вот только врать мне не нужно. Я же сразу увидела у вас в глазах что-то такое...
- Да что вы такое увидели? – улыбнулся он.
- Нежность, совершенно вам не присущую. Когда вы говорили мне о сыне, у вас было другое лицо... А тут это другая нежность, к прелестному жирафенку... Знаете, Кирка в школе обожала какой-то дурацкий детский стишок: «У меня живет жирафа, я кормил ее со шкафа, прыгал прямо к потолку. Ой, ку-ку, ку-ку, ку-ку!»
- Никогда не слышал! А почему ку-ку?
- Кажется, этот мальчонка был редким врунишкой, и когда завирался, одноклассники кричали ему «ку-ку».
- Ну и память у вас!
- Мозги тренированные. Ну, вернемся к нашим жирафам!
- Ох, вы и опасная особа, Мария Евграфовна, только говорить-то, собственно, больше не о чем.

– Влад, не будьте дураком! Вам нужна любовь! Вы вдовец, я все понимаю, но любовь... Вы же еще молодой мужчина, у вас наверняка есть какие-то дамы, но... мы знакомы с вами уже давно, однако ничего подобного я вам никогда не говорила. Тут вполне может случиться любовь... А пройти мимо любви – преступление!

– Вы сердитесь, значит, вы не правы! – улыбнулся он.

– Нет, я права! А вы поразмыслите над моими словами на досуге. А знаете что... Приведите ко мне эту девочку.

– Да что за чепуха! Как я ее к вам приведу? С какой стати я вообще куда-то ее поведу?

– И не лезьте в мою жизнь, старая дура, да?

– Ничего подобного я даже не думал!

– Думали, думали! Я вообще всегда знаю, о чем вы думаете!

– Так уж и всегда!

– Вот, например, когда вы ездите со мной на кладбище, у вас всякий раз возникает соблазн проследить за мной, узнать, на чью могилку эта старая развалина носит цветы, но потом вы вспоминаете, что я профессиональная разведчица и что вы все-таки порядочный человек. Ну, признайтесь, что я права? В вас должно говорить журналистское любопытство.

– Я ж говорю, вы опасная особа. Но давайте не будем уходить от главной темы. Итак, вы согласны в принципе на такую передачу о вас?

– В принципе, да. Но при одном обязательном условии.

– Я весь внимание.

– Вы будете показывать мне материал на всех стадиях.

– Ну, разумеется!

– Владик, а вообще... Знаете, чего бы я хотела на самом деле?

Он вопросительно посмотрел на нее.

– Чтобы вы написали сценарий художественного фильма обо мне. И чтобы меня играла очень красивая и талантливая актриса.

– А что, – задумчиво проговорил Владислав Александрович, – идея роскошная, над этим стоит подумать. Правда, я никогда не писал художественных сценариев, но...

– Можете привлечь в соавторы профессионала. Ведь там должна быть и любовная линия, а с этим вы пока вряд ли справитесь...

– Ну вы и провокатор! – расхохотался он.

Ие позвонила сестра.

– Привет, как дела?

– Нормально. Работы много.

– Так это же прекрасно. Скажи, а Голубев тебе не звонил?

– Голубев? – искренне удивилась Ия. – С какой стати он должен мне звонить? И я ему телефона не давала.

– А он просил?

– Да что ты дурью маешься? – рассердилась Ия.

– Ну, я же видела, как он на тебя смотрел!

– Да нормально, нормально он на меня смотрел! Удивился, что из неуклюжего подростка вылупилась довольно приглядная женщина, только и всего! А вообще, он мне сто лет неинтересен, твой Голубев. А ты что, хотела его вернуть?

– Хотела...

– И обломалась?

– Еще не вечер!

– Флаг тебе в руки!

Ия была не совсем честна с сестрой и даже с самой собой. Мысль о Голубеве частенько посещала ее, совсем неясная, но почему-то приятная. Просто ее обдавало каким-то ласковым теплом. Да, именно ласковым теплом, а вовсе не жаром. Это всего лишь воспоминание о далеком уже детстве, и, конечно, радостно было поймать его восхищенный взгляд, лестно, но не более того.

Проводив мужа на работу, она прибралась в кухне и уже оделась, чтобы идти в салон, как в дверь позвонили.

- Кто там?
- Алло, девушка, Роман Руденко здесь живет?
- Да. А вы кто? – осторожно спросила Ия.
- А я, некоторым образом, его брат.
- Михаил?
- Он самый!

Ия поспешила открыть дверь. На пороге стоял мужчина, которому, на взгляд Ии, больше всего подошло бы определение «громила», но у него была такая славная обезоруживающая улыбка, которая сразу отменяла первоначальное впечатление.

- Опа! – сказал громила. – У моего младшего хороший вкус! Войти-то можно?
- Господи, конечно, заходите... Просто так неожиданно!
- Люблю делать сюрпризы! А брательник мой где? В рейсе?
- О, вы давно не видались... Он уж два года не летает. Да вы заходите.
- Как не летает? Почему?
- По здоровью.
- А что с ним такое?
- С легкими неважно. Так-то ничего страшного, но в авиации свои требования.
- Ну да, ну да. А вы...
- Я его жена. Ия.
- Ия? Надо же, какое короткое имя.
- Михаил...
- Просто Миша.
- Хорошо, Миша, вы, вероятно, голодны? Идемте, я вас накормлю. Вы, может, хотите

душ принять? Вы с дороги?

– Да нет, я уж был у себя, просто хотел сюрприз братишке сделать. Вы не смотрите, что я с такой сумкой, это все вам...

- Господи, что это?
- Дары Дальнего Востока! И уссурийской тайги! – И он принялся выгружать на кухонный стол какие-то банки, пакеты. – Это настоящие крабы, камчатские, это красная рыба, это икра, в Москве вы такой не пробовали...

- Спасибо, Миша, но куда столько?
 - Ничего, и не заметите, как съедите, гостей позовете...
- Ия про себя улыбнулась. Роман терпеть не мог гостей.
- Я сейчас позвоню Ромке...
 - Не надо, Иечка! Я хочу сюрприз ему все-таки сделать.
 - Хорошо, как скажете, – улыбнулась Ия.
 - Слушай, сестренка, а давай на ты, мы же как-никак родственники теперь.
 - Давай! Миша, мне пора на работу, а ты оставайся и жди Ромку. Он обычно возвраща-

ется раньше меня.

- А ты где работаешь?
- Да на соседней улице.

– Пошли, провожу. Не стану я целый день тут торчать. Я лучше вечером подвалю. Четыре года в Москве не был. Пока от аэропорта ехал, вообще ничего не узнавал. Охота погулять по городу. А тебе ничего, если я провожу?

– Не поняла?

– Ну, если тебя с незнакомым мужиком увидят?

– Плевать я хотела. Я сама себе хозяйка!

– Вона как! У тебя свое дело?

– Ну да. Салон свадебных и вечерних платьев.

– Ну надо же, как интересно!

– А ты не женат?

– Бог миловал! – рассмеялся Михаил. – Кому такое счастье сдалось? Я ж бродяга.

– Ну, если все же надумаешь, я твоей невесте такое платье сделаю! Хочешь посмотреть?

– Так невесты нету!

– Я имела ввиду, салон мой посмотреть хочешь?

– Можно!

– Пошли!

Аня, приемщица, удивилась. Мужик, пришедший с Ией, был так разительно не похож на обычных посетителей салона, что в голову невольно закралась мысль: что, Ийка с ума сошла? Привела какого-то громилу...

– Анюта, привет! Вот, познакомься, это мой деверь, Михаил.

– Очень приятно, – улыбнулся громила.

– Деверь? – наморщила лоб Аня.

– Это Ромкин старший брат. Он вот привез нам всякие дальневосточные деликатесы, я тут и вам всем принесла попробовать. Ты положи пока в холодильник. Ну вот, Миша, смотри!

– Я что-то не пойму, какие ж это свадебные платья? Только одно, по-моему...

– Миша, белых пышных платьев в Москве более чем достаточно, да и скучно это...

– А, понял, ты бросаешь вызов общественным вкусам? – улыбнулся он. – И как, покупают?

– Да! Особенно женщины, второй раз выходящие замуж. Вот недавно одна известная певица второй раз выходила замуж в моем платье из синего шелка и имела в нем большой успех.

И вообще... Эти платья можно и потом носить как вечерние.

– Да, впечатляет, красиво! Неожиданно только... Ты сама их придумываешь?

– Конечно, – с гордостью сказала Ия.

– А ты молодец, уважаю!

В этот момент в салон вошли две женщины, одна лет сорока, а вторая совсем молоденькая. Очевидно, мама с дочкой.

– Здравствуйте, – приветствовала их Ия.

– Добрый день, – начала мама, – мне рекомендовала ваш салон Татьяна Бурковская. Вы Ия?

– Да, это я.

– Таня моя старая подруга, и я видела ее свадебное платье... Это восторг! Я смотрю, у вас так все красиво, просто глаза разбегаются.

– Дочку замуж выдаете? – осведомилась Ия.

Женщина рассмеялась:

– Да нет. Сама замуж собралась.

Михаил фыркнул про себя. Он сел в кресло поодаль и молча наблюдал. Ему было здорово интересно. И Ия ему очень нравилась. Повезло Ромке, такая милая... И, похоже, дельная.

- Замечательно! – воскликнула Ия.
- А дочка моя уже замужем. Так что это она маму замуж выдает.
- У вас есть какие-то пожелания?
- Да. Чтобы это было не помпезно и соответствовало случаю.
- А цветовые предпочтения есть?
- Только не красное.
- Простите, а когда свадьба?
- В июле.
- О, значит, платье должно быть легким.
- Ой, а вот это? – Женщина подошла к платью светло-зеленого цвета с легким болотным оттенком. – Можно его примерить?
- Знаете, мне кажется, это не ваш фасон, а вот цвет ваш. Аня, принеси такой отрез, мы прикинем.
- А мне и фасон очень нравится...
- Пожалуйста, примерьте его...
- Она сняла платье с манекена.
- Пойдемте в примерочную.
- Через несколько минут дама вышла из примерочной в своем костюме.
- Вы были правы, Ия, это не мой фасон, а цвет как раз мой.
- Вот посмотрите журналы, сошьем вам платье из этой ткани.
- Ия, а может, вы сами мне что-то предложите, у вас глаз-алмаз...
- Пойдемте, я наколю на вас ткань, а уж потом нарисую, чтобы в процессе было легче что-то менять.
- Мам, я смотрю, ты в надежных руках, может, я пойду, а?
- Иди, конечно! У нее ребенку пять месяцев, – пояснила женщина. – Так что замуж бабушка выходит.
- Невероятно! – улыбнулась Ия. – Вы чудесно выглядите.
- Ия, – подал голос Михаил, – пожалуй, я тоже пойду.
- Что ж, иди, но вечером мы тебя ждем.
- Только Ромке не говори.
- Заметано.
- Когда заказчица, страшно довольная, ушла, Аня заявила:
- Ий, а этот деверь, если приглядеться, здорово интересный мужик. Не такой, конечно, красавчик, как твой Роман, но...
- Да, ничего. Улыбка хорошая.
- Только видок у него... Эта джинса затрепанная и вообще запущенный какой-то... Его бы отмыть, побрить, приодеть...
- Займись!
- Да ну... И вообще, он, если хочешь знать, на тебя глаз положил!
- Ой, Анюта, не выдумывай! Просто мы с ним только сегодня познакомились. Вот он меня и изучал.
- А он кто вообще?
- По образованию горный инженер, но, по-моему, он этим уже не занимается, он бродяга...
- Как бродяга?
- Вот так. То был старателем на золотых приисках, то с рыбаками ходил в море, то звероловом был...
- Да, круто... Романтично, но для жизни такой не годится.
- Для семейной жизни уж точно, – засмеялась Ия.

– А они с Ромой родные братья?

– Да.

– Надо же, ничего общего! А он у вас остановился?

– Нет, у него есть квартира, от родителей осталась. А я смотрю, он тебя заинтересовал.

– Просто я таких еще не встречала, надо же, романтичный тип.

Но тут пришла новая клиентка, и разговор оборвался. Потом Ия ушла в комнату, где она кроила платья, и взялась за дело. Она любила свою работу и кроить никому не доверяла.

– Ий, твой мобильник надрывается! – заглянула к ней Аня и протянула телефон, забытый у нее на столе.

– Спасибо! Алло! Да, Алинка, работаю.

– Скажи, а тебе Голубев так и не звонил?

– Голубев? – рассердилась Ия. – А с какой стати он стал бы мне звонить?

– Ну, мало ли...

– Алинка, кончай дурью маяться.

– А может, вечером встретимся?

– Не могу, занята.

– Чем это ты занята? Будешь ужин стряпать своему Ромочке?

– И это тоже. Но к нам придет его брат.

– Этот бродячий пес?

– Он, между прочим, очень славный человек. Хочешь, тоже подваливай к нам.

– Да? А сколько ему лет?

– Он старше Ромки на три года, значит, тридцать семь.

– Интересный?

– Пожалуй, да.

– Тогда я, наверное, приду. Две сестры и два брата... Это изящно.

– Да ну тебя, Алинка. Все, я работаю! Аня, – позвала она приемщицу. – Будь добра, сделай бутерброды с икрой, крабы, рыбку поставь на стол и позови всех.

– Есть, шеф! – обрадовалась Аня. – Закроемся на обед?

– Ни в коем случае! Просто поставь все на стол. Может, клиентов и не будет, удастся всем посидеть.

Действительно, в те полчаса, что вся команда лакомясь деликатесами с Дальнего Востока, посетителей не было.

– Сроду такой красной икры не ела, – воскликнула Аня. – А крабы вообще – улет!

А Гулька икру никогда не пробовала.

– Да ну, чего в ней хорошего, – поморщилась Гуля. – Соленая... и вообще, что тут есть?

– Понимала бы что-нибудь! – фыркнула Света, вторая швея.

– Ладно, девочки, у каждого свой вкус, – примирительно сказала Ия.

Света очень ревниво относилась к Гуле, которую Ия частенько хвалила. Куда чаще, чем ее.

Ия хотела уйти пораньше, чтобы приготовить ужин. Но не удалось. К ней заявила известная телеведущая, которой предстояло идти на свадьбу коллеги, и она хотела во что бы то ни стало затмить невесту.

– Понимаешь, она наглая, как танк! И еще выходит за богатящего бизнесмена, боюсь, скоро совсем распояшется, очень охота утереть ей нос.

– Дело хорошее, – засмеялась Ия. – Слушай, Инна, а ты в курсе, какое у нее платье будет?

– Именно! Она показала фотку... Помнишь, ты мне в прошлом году костюмчик к «Кино-тавру» изладила, эффект был – зашибись. Вот и сейчас...

– Да поняла. А свадьба-то скоро?

– Через неделю.

– Инна, ты с ума сошла! Такие сроки... Нереально!

– Иечка, я тебя умоляю! Может, что-то из готового?

– Какое платье у невесты?

– Белое. Красивое. В пол. Со шлейфом.

– Да, надо подумать, а времени нет. О, я, кажется, знаю. У меня есть одно платье, там свадьба в последний момент расстроилась... Иди в примерочную.

Через три минуты Ия принесла Инне платье.

– Ой, мамочки, красотища какая! – ахнула та.

Платье было невероятно ярким, но Инна тоже была яркой брюнеткой, и безумное сочетание красок необыкновенно ей шло.

– Ийка, ты просто гений! Я в этом платье похожа на... какой-то костер, что ли, в общем, что-то огненное... Супер! Эта бледная спирохета на моем фоне вообще не будет заметна, да и другие тоже! Ой, я хочу в зале на себя посмотреть!

– Конечно! Иди!

– Обалдеть! И эти лиловые вкрапления... Как думаешь, тут нужны украшения?

– Совсем чуть-чуть. Неплохо бы топазовые серьги.

– А аметисты не подойдут?

– Немного примитивно, но в принципе можно. Когда приедешь за платьем, привези их, я посмотрю.

– А ты мне сегодня платье не отдашь?

У меня бабки с собой.

– Инна, его надо чуточку подогнать, послезавтра заберешь.

– Ийка, я тебя обожаю!

В результате Ия попала домой гораздо позже, чем намеревалась, и, подходя к дому, увидела в окнах свет. Значит, Ромка уже дома. Странно, что еще не звонил. А, наверное, Миша уже пришел. Ну ничего, с голоду они не умрут, Миша столько всего навез...

Действительно, братья уже сидели на кухне, и Михаил раскладывал по тарелкам привезенную снедь.

– О, а вот и хозяйка! – воскликнул он.

– Ий, чего так поздно? – осведомился муж.

– Да я уж собралась идти, как явилась очень выгодная клиентка. Я не могла ей отказать.

– Да ты никому отказать не можешь, – проворчал муж.

– Но это естественно, – вступился за Ию Михаил. – Я сегодня посмотрел, как Иечка работает, мне так понравилось...

– Это хорошо, что ты столько навез, а то пришлось бы лапу сосать.

– Когда это ты лапу сосал? Я бы что-нибудь сообразила, голодными вас не оставила. Но, конечно, спасибо Мише.

В этот момент в дверь позвонили.

– Это еще кто? – недовольно спросил Роман.

– Ой, это Алина, я совсем забыла, что она придет. – Ия бросилась открывать.

– Подружка? – тихо спросил Михаил.

– Нет, старшая сестра.

– О, какие люди! – проговорила Алина.

– Боже, это же вылитая Лоллобриджида! – воскликнул Михаил.

Алина улыбнулась:

– Вы не оригинальны. Мне это часто говорят. Хотя сейчас уже мало кто помнит, как выглядела Лоллобриджида, в основном это говорят ровесники нашей мамы. А вы, Михаил, еще молодой...

– Просто люблю старое итальянское кино, – улыбнулся Михаил и подумал: «Ты, конечно, красавица, но твоя сестра куда лучше...»

– О, да тут у вас крабы! Настоящие, камчатские? Хотя я предпочитаю лобстеров...

– Так не ешь! – довольно по-хамски ответил Роман.

– Рома! – одернула его Ия.

Алина сделала вид, что пропустила хамство мимо ушей.

– Знаете, Миша, я первый раз попробовала лобстеров в Голливуде.

– Вы актриса?

– Боже упаси! Просто мы с мужем... с бывшим мужем были в Калифорнии в свадебном путешествии. И он повел меня в какой-то жутко дорогой ресторан, куда отведать лобстеров приходят голливудские звезды.

А она дура, подумал Михаил. Очень красивая дура. И Ромка мне что-то не нравится. Когда он летал, это был веселый непосредственный парень, а сейчас... Мне кажется, он совсем не рад. А может, я просто мнительный? Одичал? Скорее всего. И чтобы снять возникшую вдруг неловкость, он принялся рассказывать, как ловят тигров в уссурийской тайге.

– А зачем их ловят? – спросила Алина.

– Как зачем? Чтобы пометить и отпустить. Надо же знать поголовье. Их мало осталось.

– Они такие красивые... А вы их гладили? – спросила Ия.

– Ну, когда тигра усыпляют, можно и погладить.

– Они приятные на ощупь?

– Не сказал бы.

– Жаль... Я в детстве гладила тигренка в цирке. До сих пор помню, какой он был... бархатный...

– Любишь животных?

– Обожаю!

– А чего ж не заведешь кошку или собаку?

– Ромка не хочет.

– А...

Алина между тем трезво оценила ситуацию. С Михаилом ей вряд ли что светит, он явно предпочитает Ийку. Надо же, что они в ней находят, и Влад, и этот Миша... А он ничего, в нем есть изюминка. Но Ийка же дура, не станет изменять мужу с его братом, ни за что. А Ромка, по-моему, ее не больно-то любит... И брату что-то не слишком рад. А вообще, надо мне возвращаться в Испанию, мне тут нечего ловить. Я тут только зря время теряю. Завтра же улечу.

– Ийка, можно тебя на минутку?

– Сейчас!

Сестры вышли на кухню.

– Что такое?

– Слушай, Ий, я завтра или, самое позднее, послезавтра, улечу домой. Мне тут надоело.

– Почему?

– Ну, во-первых, мама там одна, во-вторых, я подумала, ну что квартира будет зря простаивать, надо бы ее сдать, все лишние денежки.

– Ну, правильно. А есть кому?

– То-то и оно, что нет. Мне эта мысль только сейчас пришла в голову. Может, ты возьмешь это на себя? Найдешь надежного риелтора? Или кто-то из знакомых захочет?

– Хорошо, попробую. Но ты же раньше не хотела сдавать?

– А теперь вот захотела. Просто мне надоело сюда мотаться. По крайней мере год не буду приезжать. Давай, сдай пока на год.

– Хорошо, попробую.

- Да, только не вздумай селить туда своих девчонок.
- Каких девчонок? – крайне удивилась Ия.
- Ну, у тебя там приезжие швейки...
- Господи, о чем ты говоришь? Мне даже в голову бы не пришло. И потом, твоя квартира стоит наверняка дорого, им это не по карману. Не волнуйся. У меня есть одна знакомая дама, она риелтор, правда, сдачей квартир не занимается, но наверняка порекомендует кого-то...
- Молодец, сестренка! Я в тебе не сомневалась. А на отпуск есть уже планы? Может, к нам приедешь?
- Да пока вряд ли, столько заказов. Летом много свадеб...
- Девушки, куда ж вы пропали? – заглянул на кухню Михаил.
- Сейчас идем! – улыбнулась ему Ия.

Владиславу Александровичу позвонила Мария Евграфовна.

- Друг мой, как ваши дела?
- Вы имеете в виду передачу?
- И это тоже. Но просто вы куда-то запропалились, и я решила вам напомнить о себе. А кроме того, я пораскинула остатками мозгов и пришла к выводу, что я большая дура.
- Мария Евграфовна, побойтесь бога! По-моему, я никогда не встречал женщины умнее вас.
- И тем не менее. И я хочу исправить свою глупость, иначе ваша передача будет куцей.
- Так! Что вы от меня утаили, Мария Евграфовна?
- Как оказалось, очень многое.
- Вы позволите приехать к вам сейчас же?
- Безусловно!
- Еду!

По дороге он купил старухе большой букет розовых пионов.

- О, вы с цветами! Как мило! Заходите! Кира гуляет с Уинстоном, она придет через полчаса и напоит нас кофе с яблочным пирогом.
- А я пока расскажу вам о своей глупости.
- Я весь внимание.
- Дело в том, друг мой, что несколько лет назад я решила написать что-то вроде мемуаров. Он затаил дыхание.
- Да, подробные, честные мемуары, мне показалось, что это может быть интересно...
- И к тому же в таком более чем преклонном возрасте необходимо тренировать мозги, я больше всего боюсь старческого слабоумия...
- По-моему, вам это не грозит.
- Потому пока и не грозит, что я их тренирую, свои мозги. И я эти воспоминания писала целых три года. Я совершенно не стремлюсь видеть их напечатанными, мне это ни к чему. Но вот в вашей работе это может сгодиться.
- Простите, Мария Евграфовна, а почему вы только сейчас мне об этом говорите?
- Видите ли, друг мой, я... Когда я их закончила, мне показалось, что они ужасно бездарно написаны, и я решила никому это не показывать. Но вы со своей передачей взбудоражили меня, и я решила это перечитать.

И сейчас, по прошествии нескольких лет, мне показалось, что это... по меньшей мере интересно... и здорово увлекательно. Я отрешилась от своего авторства и прочла это просто как авантюрный роман, а прочтя, подумала: неужели все это было со мной в действительности и я осталась жива и более или менее здорова, дожила до девяноста лет и собираюсь дожить до

ста? Государства, на которое я работала, давно уже нет, так разве я не заслужила свою «минуту славы», как выражаются на телевидении?

– Вы совершенно правы, и я сделаю все от меня зависящее...

– Послушайте, Влад, прочтите этот мой опус, и выскажите мне свое мнение. И еще, мне кажется, надо сделать программу не в стиле... документалистики, как делают обычно. Может, я скажу совершенную ересь... Но мне бы хотелось, чтобы эта программа, вернее, даже цикл программ, в одну вы не уложите, носила характер документального авантюрного романа... Улавливаете мою мысль?

– Кажется, улавливаю.

– Но вы от нее не в восторге?

– Да я-то в восторге, я сроду ничего такого не делал, и мне конечно же безумно интересно... Но я вовсе не уверен, что продюсеры на это пойдут.

– Они полные идиоты?

– Случается, что и полные... Но... Мария Евграфовна, вы меня огорошили, честно сказать. Я должен сначала прочесть ваши воспоминания, а потом буду думать. Кстати, мне идею работать на телевидении подкинула одна дама, как раз продюсер, и она очень неглупа. Вы позволите и ей показать ваши воспоминания?

– Нет, сначала прочтите вы и абсолютно честно скажите, что вы об этом думаете.

– Клянусь!

– Хорошо. – Она принесла из другой комнаты четыре толстых тетради.

– Вот, держите.

– Вы от руки писали? – крайне удивился он.

– Разумеется. Но у меня хороший почерк, вот взгляните.

Почерк и в самом деле был разборчивым.

– Мария Евграфовна, спасибо вам за доверие. Можно я пойду? Мне не терпится начать читать.

– А как же яблочный пирог?

– Он до завтра доживет?

– Вы полагаете, что до завтра успеете прочитать?

– Я в этом абсолютно уверен. Я быстро читаю. И завтра в это же время, если не будет форс-мажора, я примчусь к вам.

– Ну что ж, друг мой, ступайте с богом!

Владислав Александрович почти бежал к своей машине, прижимая к груди заветные тетради. У него было чувство, что он держит в руках свою новую жизнь. Эти тетради могут в корне ее изменить... Но вскоре он попал в пробку и с раздражением сказал себе: идиот, а может, все это гроша ломаного не стоит? Хотя нет, вряд ли. Старуха слишком умна. Что бы там ни было, но жизнь ее и в самом деле тянет на авантюрный роман, даже того, что мне уже известно, хватило бы на цикл интереснейших передач... И моя интуиция мне подсказывает, что это может быть прорыв в какую-то новую сферу деятельности. Да ладно, поглядим, не будем замахиваться на глобалку. Кто широко шагает, скорее штаны порвет...

Войдя в квартиру, он подумал: как хорошо, что я живу один. Никто не помешает читать. Он сварил себе кофе и взялся за первую тетрадь.

И не отрывался, пока не прочел ее. С ума сойти, какие, оказывается, страсти раздирали эту женщину и как ей при этом удавалось сохранять холодный ум. Кажется, я ничего интереснее сроду не читал. Это надо бы издать, получится бестселлер, хотя кое-какие факты вряд ли можно уже публиковать. И написано отлично, правда, несколько старомодно, но в этом есть свой шарм. Она, по-видимому, в молодости была неотразима. Да это и сейчас иногда чувствуется. А какой сериал можно на этом материале сделать... Собственно, если поменять некото-

рые имена и выдать это за художественное произведение, даже ГРУ ни к чему не придерется. И если позвать в компанию Володьку Сурина, вдвоем мы напишем отличный сценарий. Но это все плохо согласуется с концепцией телевизионной передачи. Хотя надо сперва прочесть все до конца, а потом пораскинуть мозгами. И, конечно, согласовать все с Ниной. Нет, сначала надо уложить все в голове, а потом уж привлекать к делу кого-то еще. Он взял вторую тетрадь и отправился в соседнее кафе обедать. И там тоже читал не отрываясь. Иной раз ему казалось, что старуха кое-что привирает, но это на нее не похоже, молчать она всегда умела, умалчивать о многом тоже, но вот во вранье никогда не была замечена. Да и зачем ей?

Он закончил чтение глубокой ночью, но спать не мог. Это была фантастическая судьба! Для реальной женщины почти немислимая. Конечно, ей иной раз невероятно везло, но, как говорится, везет тому, кто везет... Какая там Мата Хари... Мата Хари все-таки плохо кончила, а Мария Евграфовна – нет! Он вдруг ощутил странную гордость от того, что она доверилась именно ему. Надо уговорить старуху напечатать эти мемуары... Пусть у нее будет «минута славы».

Ровно в час дня он позвонил в дверь. Мария Евграфовна сама ему открыла.

– Ну, что скажете? – спросила она, не дав ему опомниться.

Он молча склонился к ее руке.

– У меня нет слов. Это... я в восторге!

И это, помимо всего прочего, великолепно написано!

Она порозовела.

– Вы правду мне говорите?

– Безусловно. Я мог бы наговорить вам кучу комплиментов по другим поводам, ни словом не упомянув о литературных достоинствах, но они несомненны, дорогая моя Мария Евграфовна.

– А мне показалось...

– Вам показалось. Да, это написано чуточку... как бы поточнее выразиться...

– Старомодно?

– Да, именно, однако это придает всему повествованию аромат подлинности, это достоинство, а вовсе не недостаток.

– Влад, друг мой, вы на машине?

– Да. Вам надо куда-то поехать?

– Нам надо.

– Не понял?

– Мы сейчас поедem к нотариусу, я уже договорилась.

– Зачем?

– Я хочу, чтобы вы были моим душеприказчиком. Квартира и все, что у меня есть, достанется Кире, а вот то, что нынче принято называть интеллектуальной собственностью, я завещаю вам. И не вздумайте возражать. Я хотела сделать это без вас, но оказалось, что в таких случаях принято являться с тем, кого ты намерен сделать своим душеприказчиком, это нельзя сделать без вашего на то согласия. Вы согласны?

– Я польщен и, разумеется, согласен.

– Так поедemте. В машине поговорим о мемуарах более детально. А когда вернемся, будем обедать и пить чай с пирогом.

– Я в вашем распоряжении.

– Как приятно это слышать в девяносто лет от такого интересного мужчины, – рассмеялась она. – А как поживает ваш жирафенок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.